

литературное
НОВОЕ
обозрение

№ 119 (2013)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Дмитрий Харитонов (история)
Оксана Тимофеева (теория)
Александр Скидан (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)
Владислав Третьяков (библиография)
Кирилл Корчагин (хроника научной жизни)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Николай Богомолов (Москва)
Татьяна Венедиктова (Москва)
Томаш Гланц (Прага)
Ханс Ульрих Гумбрехт (Стенфорд)
Борис Дубин (Москва)
Виктор Живов (Москва / Беркли)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Оксфорд / Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Пекка Песонен (Хельсинки)
Олег Проскурин (Москва)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Эткин (Кембридж / Петербург)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 119 (2013)

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Игорь Булатовский 7 Квадратики

ПО ТУ СТОРОНУ ЗАПРЕТА

Оксана Тимофеева 10 Топот котов
Славой Жижек 16 От запрета наслаждения
к наслаждению запретом
(пер. с англ. Ивана Аксенова)
Младен Долар 28 Не прикасаться! (пер. с англ.
Карена Саркисова)
Ксения Голубович 45 Нежность (эскиз)

ЗАПРЕТ КАК КУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ

Константин Богданов 51 От составителя
А. В. Малинов, 53 Русская философия под запретом
С. А. Троицкий (к 90-летию «философского
парохода»)
Катриона Келли 67 «Меня сама жизнь к жизни
подготовила»: подростковый
возраст в сталинской культуре
Наталья Скрадоль 84 Зоны запретов и запретные зоны:
трудовые лагеря в нацистской
Германии
А. И. Разувалова 101 Писатели-«деревенщики» в поисках
оппонента: эстетика конфронтации
и этика солидарности
Ю. А. Говорухина 123 Власть, запреты, нарушения
без наказания в современной
литературной критике

ПРОЧЕНИЯ

- ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ 140 Русская поэзия в 1913 году
Часть первая

ВЛАДИМИР СОРОКИН:
ПРЕОДОЛЕНИЕ СЛОВЕСНОСТИ

- МАРК ЛИПОВЕЦКИЙ 175 От составителя
- НАРИМАН СКАКОВ 177 Слово в «Романе»
- МАНУЭЛА КОВАЛЕВ 194 Пустые слова? Функция
ненормативной лексики в романе
В. Сорокина «Голубое сало»
- Илья Кукулин 206 Техногенная матка истории
(Заметки о происхождении
ключевого образа в фильме
А. Зельдовича и В. Сорокина
«Мишень»)

CLOSE READING

- ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ 227 Только время...
- ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ 236 «Словоначалье»: обзор образа
(О «Безумных стихах» Тамары
Буковской в свете всех
предшествующих ее книг)

ХРОНИКА
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- ВИКТОР ИВАНОВ 243 Становой хребет русского авангарда
(Рец. на кн.: Сатуновский Ян. Стихи
и проза к стихам. М., 2012)
- КИРИЛЛ КОРЧАГИН,
ДЕНИС ЛАРИОНОВ,
ЛЕОНИД КАЦИС 249 Рец. на кн.: Сабуров Е. Незримое
звено: Избранные стихотворения и
поэмы. М., 2012; Рясов А. Пустырь:
Роман. СПб., 2012; Быков Дм. Икс:
Роман. М., 2012

ВИКТОР МАКАРОВИЧ СЕЛЕЗНЁВ

(14 сентября 1931 г., Киев – 21 марта 2012 г., Саратов)

	264	Биографическая справка
В. М. СЕЛЕЗНЁВ	265	«Я другой такой страны не знаю...»
(Фрагменты книги воспоминаний)
	297	Список публикаций В. М. Селезнёва

БИБЛИОГРАФИЯ

КОНСТАНТИН
АЗАДОВСКИЙ	302	Тоска и томление по Святой Руси
(Рец. на кн.: Карлсон И. Поиски
Руси невидимой: Китежская легенда
в русской культуре. 1843–1940.
Göteborg, 2011)
Д. БАРЫШНИКОВА	309	Когнитивный поворот
в постклассической нарратологии
(Обзор новых англоязычных книг)
СЕРГЕЙ НИКИТИН	320	Спасительный лабиринт
(Рец. на кн.: Bloom H. The Anatomy
of Influence: Literature as a Way
of Life. New Haven; L., 2011)
КИРИЛЛ КОБРИН	326	Опыт медленного чтения
академического палимпсеста
(Рец. на кн.: Thomas A. Prague
Palimpsest: Writing, Memory, and
the City. Chicago; L., 2010)
СТАЛИН, МАРР И ИЛИЗАРОВ		
ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО	340	Споря о Марре (Рец. на кн.:
Илизаров Б.С. Почетный академик
Сталин и академик Марр. М., 2012)
П. А. ДРУЖИНИН	349	Яфетические зори в Российской
академии наук

СЕРГЕЙ ЗЕНКИН	358	Некомпетентные разоблачители
(<i>Рец. на кн.: Bronckart J.-P., Bota C. Bakhtine démasqué: Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif. Genève, 2011</i>)
ИННА БУЛКИНА	366	Письмо в редакцию
	367	Новые книги
	389	Библиографический список критических статей В.П. Буренина в газете «Новое время» (1876–1900) (<i>сост. Ирина Игнатова</i>)

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ПАВЕЛ АРСЕНЬЕВ	407	Малые Банные чтения (<i>Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2–3 марта 2012 г.</i>)
НАТАЛЬЯ ГАДАЛОВА	418	Международная конференция «Мороз, лед и снег: Холодный климат и русская история» (<i>Москва, Германский исторический институт, 16–18 февраля 2012 г.</i>)
МИХАИЛ ПАВЛОВЕЦ	426	На границах творческой свободы. Конференция «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании», секция «Неподцензурная и “легальная” литературы в России XX века: Формы взаимодействия» (<i>МГПИ, 17 марта 2012 г.</i>)
МАНУЭЛА КОВАЛЕВ	433	Международная конференция «Языки Сорокина: медиальность, межкультурность, перевод» (<i>Университет Орхуса, Дания, 29 марта – 1 апреля 2012 г.</i>)
ЛЕОНИД ТЕРЕЩЕНКОВ	438	Вторая Международная открытая конференция молодых ученых и специалистов «СЛЮ-2012» (<i>Москва, 5–6 апреля 2012 г.</i>)
	444	Summary
	448	Наши авторы

дований, Гества еще раз напомнил о тех проблемах, с которыми сталкивается исследователь российского климата. Среди этих проблем отсутствие работ по малым народам Севера, которые могли бы вывести изучение холода за рамки европейских представлений; недостаточный временной разброс исследуемых событий и понятий, в котором не представлены работы по истории до середины XIX века и после начала перестройки; отсутствие работ по изучению неудач в их самом широком смысле и, наконец, уже не раз отмеченный недостаток сравнительных работ, без которых невозможно вести речь о российско-советской специфике процессов и понятий. Отмеченный же Андреасом Реннером недостаточный результат в деле осуществления одной из основных целей конференции — налаживания продуктивного взаимодействия между различными науками, занимающимися вопросами климата, — метеорологией, климатической географией, экологической историей и историей медицины — следует, безусловно, рассматривать как вызов, ответить на который можно будет при дальнейшем развитии климатических исследований.

Наталья Гадалова

НА ГРАНИЦАХ ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Конференция

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ»,
секция

«НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ И “ЛЕГАЛЬНАЯ” ЛИТЕРАТУРЫ
В РОССИИ XX ВЕКА: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

(МГПИ, 17 марта 2012 г.)

17 марта 2012 года на филологическом факультете Московского гуманитарного педагогического института в рамках ежегодной конференции «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» состоялось заседание ставшей уже традиционной⁶ научной секции, посвященной русской неподцензурной литературе XX века. На этот раз секция носила название «Неподцензурная и “легальная” литературы в России XX века: формы взаимодействия». В ее рамках рассматривались вопросы о методологических основах единой истории русской литературы советского периода; о том, как в различных версиях истории этой литературы учитывается область неподцензурной словесности; о переключке и взаимодействии поэтик подцензурной и неподцензурной словесности; о возможности типологии «двойного творчества» авторов, которые писали «для печати» и «не для печати». Помимо подвижности границ между двумя ветвями русской литературы — подцензурной и неподцензурной, а также исследования их институциональных форм и пространства социального взаимо-

6 О секции, состоявшейся в прошлом, 2011 году, нам уже доводилось писать: *Павловец М.* Литературный андеграунд в научном освещении. Конференция «Филологические традиции в отечественном литературном и лингвистическом образовании», секция «Неподцензурная литература XX века (1930–1980 гг.): проблемы бытования, поэтика и рецепция» (МГПИ, 12–13 марта 2011 года) // НЛО. 2011. № 111. С. 437–442.

действия, участников секции интересовала проблема временных границ «потаенной» словесности — как до формирования автономного поля (1930—1950-е годы), так и в период его размывания в 1980-е — начале 1990-х годов.

Далеко не все из этих вопросов были обстоятельно обсуждены на заседании, однако организаторам важно было заявить общее проблемное поле, исследование которого — дело не одного года и усилий далеко не только тех, кто собрался на однодневную работу секции. Так или иначе, большинство звучавших докладов затрагивали проблему взаимоотношений неподцензурной словесности со смежными с ней литературными рядами и пространствами, прежде всего с Серебряным веком и официальной советской литературой в ее различных — и ортодоксальном (соцреалистическом), и либеральном — изводах.

Открыл заседание секции *Илья Кукулин* (Москва) с программным докладом «*Два рождения неподцензурной поэзии в СССР*», продолжая серию работ этого исследователя о генезисе и становлении неподцензурной литературы советского времени⁷. Докладчик предложил развести два вида «неподцензурной литературы» — совокупность текстов, создаваемых в условиях цензурного контроля изначально без установки на их публикацию в официальной печати, и автономное субполе отечественной литературы, со своими институциями и системой художественных практик и полемик. По мнению И. Кукулина, «первый призыв» авторов, продолжавших творческую деятельность, несмотря на их насильственное или добровольное исключение из современного им литературного процесса послереволюционного времени, составили главным образом писатели, либо сформировавшиеся еще в «серебряном веке», либо ориентировавшиеся на наследие той эпохи. «Маргиналами» они оказались в силу чуждости их художественных практик сформировавшейся советской литературе, еще довольно терпимой к эстетическому разномыслию в 1920-е годы. К этому «первому призыву» можно отнести М. Волошину, М. Кузмина и авторов литературных альманахов «Гермес», «Мнемозина», «Гиперборей». Однако уже в 1930-е годы в силу ряда литературных и экстралитературных факторов даже контролируемое многообразие было директивно упразднено: творческие (они же, как правило, дружеские) кружки распались, так что применительно к данному времени можно говорить лишь об индивидуальных случаях автономного творческого выживания авторов в условиях тотальной унификации литературного поля (редкий случай сохранения такого кружка — обэриуты, но о них в докладе сказано не было). И. Кукулин обсудил творчество четырех авторов неподцензурной литературы, оговорив, что трое из них отказались от советских эстетических норм, уже имея опыт творчества в духе соцреализма, хотя и не вполне ортодоксального. Речь идет о поэзии Яна Сатуновского, Геннадия Гора, Елены Ширман и Вениамина Блаженного (единственного, кто не ориентировался на соцреализм изначально), в поэтике которых в конце 1930-х или начале 1940-х годов произошел перелом. У каждого из упомянутых авторов, по мнению И. Кукулина, был свой путь выхода за рамки предписанного «единым методом советской литературы»: В. Блаженный пытался продолжить эксперименты символистов и футуристов, но с учетом современных ему условий, Г. Гор и Я. Сатуновский работали с советским наследием 1920-х годов, причем в творчестве последнего, а также Е. Ширман особенно интересны попытки выстраивания прин-

7 См.: *Кукулин И.В.* Маятник одиночества: предварительные замечания о конструировании понятия «русская неподцензурная поэзия» // *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. статей.* М.: МГПИ, 2010. Т. 1. № 9. С. 242—252; *Он же.* Александр Галич и эволюция русской неподцензурной поэзии 1960—2000-х годов (К постановке проблемы) // *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. статей.* М.: МГПИ, 2011. Т. 2. № 10. С. 52—61.

ципиально нового — и принципиально невозможного в современной им советской поэзии — лирического субъекта как проблематизированного, «неготового». Этот тип субъекта был заново открыт поэтами филологической и лианозовской школ только в 1950-е годы, что дало импульс к формированию неподцензурной литературы уже во втором, институциональном смысле.

Михаил Павловец (Москва) в докладе «Канонизация русского футуризма в неподцензурной поэзии 1950—1960-х годов» по-своему продолжил тему формирования в рамках неподцензурной парадигмы принципиально новой для отечественной культуры поэтической традиции. Отталкиваясь от общего для деятелей литературного андеграунда ощущения культурного разрыва между эпохой модернизма рубежа XIX—XX веков и творчеством авторов 1950—1960-х годов, докладчик предложил типологию отношений неподцензурных писателей второй половины XX столетия с одной из традиций так называемого Серебряного века русской культуры — традицией футуристической. Первый тип опирается на идею преодоления упомянутого разрыва и выстраивания отношений непосредственной преемственности с историческим авангардом первой трети XX века, прежде всего с кубофутуризмом, «поверх барьеров» навязываемого в официальной словесности соцреалистического канона. Эту линию выбрали, в основном, самые ранние из возникших неподцензурных группировок и авторов: сложившаяся еще в 1939 году вокруг поэта Николая Глазкова неофутуристическая группа «небывалистов»; старшее поколение ленинградской филологической школы (М. Красильников, А. Кондратов, Ю. Михайлов); действовавшая в 1960-е годы вологодская группа «анарфутов», или «футуродадастов», «Будущел», а также выросшая из нее группа «трансфуристов» (Ейск, Краснодарский край, 1970—1980-е годы). «Трансфуристы» наиболее последовательно — и на уровне деклараций, и в своей художественной практике — попытались продолжить главную утопическую интенцию исторического авангарда — утопию преодоления истории, создания трансисторического искусства, *специализирующего* («опространствливающего») культурно-историческое время. В отличие от вышеупомянутых авторов, для большинства поэтов, к примеру, младшего поколения филологической школы (за исключением разве что Александра Кондратова) разрыв исторической преемственности между «историческим авангардом» первой трети XX века и современной им поэзией был очевиден. Для этих авторов русский футуризм стал завершенной в себе эстетической системой, «запертой» в своей эпохе, а потому он мог служить для них предметом поклонения и творческой рефлексии, но никак не прямого продолжения в принципиально изменившихся культурных обстоятельствах.

Близкую проблему перехода из одной эстетической системы в другую (от модернизма к постмодернизму) на примере творчества отдельного автора неподцензурной поэзии раскрыл Александр Житенев (Воронеж). В сообщении «*“Выцветающий мир” М. Айзенберга: несколько наблюдений об организации мотивной структуры*» исследователь исходил из того, что творчество данного поэта отражает кризис модернистской концепции остранения и «нового видения». Этот кризис нашел выражение, в частности, в постмодернистском скепсисе по отношению к самой возможности дать (отразить) «объективную» картину бытия, не опосредованную категориями авторского сознания, в свою очередь инфильтрованного разного рода идеологическими конструктами и стереотипами обыденного мировосприятия. Подборкой цитат из стихотворных произведений Михаила Айзенберга в докладе была проиллюстрирована присущая творчеству поэта дискретность художественной модели бытия: поэзия этого автора изобилует примерами размытой визуальности феноменов внешнего мира и нечеткой метафорической визуализации содержания мира внутреннего — вплоть до их аннигиляции. А. Житенев в целом отмечает сосредоточенность поэта на зыбких моментах перехода, границы между этими двумя мирами. Суть таковой картины бытия, по мнению докладчика, — в утрате созерцающим субъектом власти над ней, в ее дегуманизации и, если можно так выразиться, «раздухотворении».

В докладе *Евгении Воробьевой* (Москва) «К проблеме вкуса: редактор как фильтр “советского”» была затронута проблема, на первый взгляд выходящая за границы исследования собственно неподцензурной словесности. В ней были соположены два типа редакторской работы над текстом. Первый из них, укоренившийся в сталинское время, предполагал совмещение редактором прежде всего цензурных функций с функцией полноправного соавтора произведения, который должен довести исходный литературный материал до кондиции, определяемой существующим идеолого-эстетическим канонем социалистического реализма, что, по сути, разрушало сам институт индивидуального авторства. Второй же тип, исторически пришедший на смену первому в эпоху «оттепели», в вершинных своих образцах (толстожурнальная редакторская школа позднесоветского времени) состоял в выявлении редактором некоего идеального, эйдетического образа произведения, его не всегда осознаваемого самим автором «замысла», подчас недопроявленного в исходном варианте текста, а также в помощи писателю довести этот «замысел» до художественно совершенного воплощения. Однако, по мнению Е. Воробьевой, критерии «правдивости» и «естественности», сформулированные Л.К. Чуковской в книге «В лаборатории редактора» и релевантные не только для позднесоветской качественной литературы, но и для современного литературного мейнстрима, плохо применимы к словесности «неподцензурной» (от Константина Вагинова до Павла Улитина и Саши Соколова). Этот тип литературного творчества нарушал все существующие в официальной культуре эстетические конвенции. А потому такого рода словесность следует признать не только «неподцензурной», но и «нередактируемой», точнее — не поддающейся художественной «доработке» по моделям толстожурнальной школы редактирования.

Другой аспект социологического рассмотрения неподцензурной словесности предложил *Данила Давыдов* (Москва) в сообщении «*“Модели переходности” в поэтическом пространстве: ленинградский вариант 1950–1960-х годов (заметки к теме)*», причем, на первый взгляд, его выводы даже противоречат наблюдениям Евгении Воробьевой. Давыдов построил свою работу на противопоставлении «подцензурной» и «неподцензурной» стратегий писательского успеха, каждая из которых при этом по-своему альтернативна прямому сервиллизму «советского писателя». Если первая стратегия (реализованная и отчасти даже манифестированная Александром Кушнером) предполагает сохранение автором внутренней свободы от идеологического диктата эпохи при его внешней инкорпорированности в официальные писательские структуры, то вторая (Иосиф Бродский, Виктор Кривулин) допускает лишь попытки «прорваться в печать» на начальном этапе вхождения в литературу, в дальнейшем же для нее характерно принципиальное позиционирование авторами себя как авторов «неподцензурных» и «неофициальных». Тем самым, по мысли Даниила Давыдова, эстетическая «девиантность» и «маргинальность» второстепенны по сравнению с институциональной принадлежностью неподцензурных авторов к литературному и культурному андеграунду, способному вбирать в себя взаимоисключающие ультрарадикальные и ультраконсервативные эстетические практики. Впрочем, видимое противоречие данного тезиса с позицией Евгении Воробьевой диалектически снимается, если рассматривать их как комплементарные. Иначе говоря, в каждом индивидуальном случае требуется комплексное описание и определение степени выхода художника за рамки и политически, и эстетически приемлемой для официальной культуры нормы как в его творчестве, так и в его социально-художественном поведении. Тем более, что можно вспомнить немало случаев довольно продолжительного существования автора одновременно в двух параллельных эстетических пространствах⁸.

8 Об одном из таких авторов, Юрии Смирнове, Данила Давыдов писал в «НЛО» в отклике на вышедший сборник произведений поэта (см.: *Давыдов Д.* Пограничный случай. [Рец. на кн.: Смирнов Ю. Слова на бумаге: Стихотворения, записи, наброски / Ред.-сост. Г. Лукомников. М.: Культурный слой, 2004] // НЛО. 2006. № 79. С. 267–272).

Несколько примеров такого рода было приведено на секции. Так, в докладе Галины Доброзраковой (Самара) «*Две ипостаси Сергея Довлатова: особенности доэмигрантского периода творчества*» были представлены «подцензурная» и «неподцензурная» стороны прозаического наследия писателя. Если в очерках и фельетонах, публиковавшихся в официальных советских изданиях (например, для рубрик «Человек и профессия» или «Юмореска» в газете «Советская Эстония», журналах «Нева», «Юность» и других), писатель вынужден был приспосабливаться к требованиям соцреалистического канона, пусть и смягченного в послесталинский период, то в рассказах, выходявших в «тамиздате» («Континент», «Время и мы»), он мог себе позволить нецензурируемые вольности. При всем различии этих двух типов текстов исследователь тем не менее отмечает общность некоторых их черт — присущие большинству из них «объективный способ повествования, амбивалентность в изображении героев и явлений, наличие абсурдистского начала, комическую заостренность, интертекстуальность, ассоциативность, фрагментарность, элементы стихового начала»⁹. Тем самым утверждение самого С. Довлатова о принципиальной разнице его писательской (в стол) и журналистской (для газет) работы не проходит научной верификации, хотя и важно для понимания самоощущения автора, вынужденного существовать сразу в двух культурных пространствах с трудносовместимыми нормами — легальном и неподцензурном.

Другой пример «как бы двойного бытия» — это «случай Окуджавы», разобранный Ольгой Розенблюм (Москва) в докладе «*Булат Окуджава в подцензурном и неподцензурном пространстве: два (три, четыре...) пространства самовыражения в 1940–1960-е годы*». Автор сообщения начал отсчет присутствия поэта сразу в неподцензурном и подцензурном пространствах с первых его опытов, читавшихся в очень узком кругу и сохранившихся в частных архивах, — и, с другой стороны, его первых публикаций в армейской газете «Боец РККА»; кроме того, напомнил присутствующим историю, как Окуджаве чудом удалось избежать ареста за организованную им «нелегальную антисоветскую группу» «Соломенная лампа». Эта одновременная принадлежность к двум пространствам (подцензурному и неподцензурному), в каждом из которых были тоже разные способы существования и автора, и текстов и где по-разному реализовывалась «настоящая литература», преломилась в позднейший период в оппозиции «неподцензурные песни» vs. публикации (стихов и прозы). С самого начала, с 1940-х годов, трудно говорить о принципиальном различии (смысловом, поэтическом) публикуемых и непубликуемых текстов Окуджавы: в конце 1960-х около половины исполнявшихся Окуджавой на публичных концертах песен имели остросоциальный, даже политический подтекст, выводящий их далеко за рамки цензурных ограничений; более того, именно в это время гораздо важнее практики оказывается декларация, и с конца 1960-х Окуджава постоянно декларирует свою противопоставленность официальной литературе. Как предположил во время обсуждения доклада И. Кукулин, культурная миссия Окуджавы как раз и заключалась в расширении пространства возможного в подцензурном искусстве. Гипотеза была поддержана докладчиком, добавившим, что эту миссию Окуджава осознал как таковую как раз в конце 1960-х годов, когда поэт акцентировал внимание публики на тех своих вещах, исполнение которых в прошлом ему не позволялось, и тем самым обозначал подвижность границ допустимого.

Если Сергей Довлатов и Булат Окуджава не требуют представления даже вне профессиональной среды, то ряд сообщений, прозвучавших на секции, вводили имена, известные по большей части лишь специалистам и знатокам поэзии XX века, — при том что эти авторы имели опыт и «подцензурного», и «неподцензурного» творчества. Так, поэт и филолог Татьяна Нешумова (Москва) высту-

9 Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст. Вып. 11. В 2 т. М.: МГПИ, 2012. Т. 1. С. 107.

пила с сообщением «*Поэтический мир В.Г. Малахиевой-Мирович*». Автор около четырех тысяч стихотворений и при этом всего одной печатной и трех рукописных поэтических книг (если не считать изданий для детей), Варвара Малахиева-Мирович (1869—1954) прожила долгую жизнь, начало которой пришлось еще на досимволистскую эпоху. Активный участник литературного процесса Серебряного века, в 1920-е годы она наблюдала формирование единого канона новой, советской литературы. Опыт индивидуального противостояния всеобщей унификации сказался и на ее неподцензурном творчестве, в произведениях, сохранивших верность символистскому мироощущению и поэтике, но подчас удивительно близких текстам авторов лианозовской школы с их принципиальной беспасфосностью и апсихологизмом лирического субъекта, почти регистрационной бесстрастностью бытовых зарисовок¹⁰.

Юрий Орлицкий (Москва) в докладе «*Двойная бухгалтерия*» Геннадия Алексева» представил творчество этого поэта (1932—1987), автора четырех напечатанных при жизни поэтических книг и большого числа публикаций в ленинградской периодике (осуществленных главным образом по протекции Михаила Дудина), который, однако, так и не был признан в качестве «своего» в кругу официальных авторов. Это произошло отчасти потому, что Г. Алексеев писал «неконвенциональные» в данной среде верлибры, отчасти же — по причине его успешности на преподавательском поприще: последнее воспринималось окружающими как основной род занятий поэта, его же стихотворные опыты — как хобби, а не профессиональное дело, что мешало видеть в нем как соперника, так и коллегу по поэтическому цеху. Как напомнил на обсуждении доклада М. Павловец, это не исключительный случай вытеснения профессиональным сообществом в неподцензурную среду автора, к которому оно относится не слишком серьезно: достаточно вспомнить поэтическое творчество живописца и графика Павла Зальцмана, чьи оригинальные стихотворные опыты, в отличие от его многочисленных работ для кино, не стали частью легальной культуры при жизни художника¹¹. Красноречивым свидетельством «межеумочного» положения Г. Алексева в литературной жизни позднесоветского времени оказывается его дневник 1958—1960 годов, подготовленный к печати А. Житинским, который, однако, не успел опубликовать эти материалы, но предал их, незадолго до своей смерти, коллегам в электронном виде: Юрий Орлицкий обратил внимание на те записи поэта, которые свидетельствуют о контактах последнего с некоторыми представителями подцензурной литературы (Вс. Рождественским, В. Соснорой и другими).

Научная молодежь также отдала дань тематике секции, что, по-видимому, свидетельствует о ее актуальности и интересе к ней начинающих исследователей. Так, заглавие доклада студента Литературного института им. А.М. Горького Эдуарда Лукоянова (Москва) своей обстоятельностью напоминало аббреж и довольно точно передавало содержание выступления: «*Изучение творчества аутсайдеров исходя из социологических концепций Фуко и Стоунквиста на примере Александра Тинякова*». Отреферировав концепции маргинальности Мишеля Фуко и Эверетта Стоунквиста («Маргинальный человек»), исследователь пришел к выводу, что творчество одного из самых колоритных поэтов 1910—1920-х годов, Александра Тинякова, начавшего свой путь эпигоном декадентов и закончившего его профессиональным нищим, реализует в себе все четыре фукианские модели маргинальности — в труде, игре, сексуальных перверсиях и в самой речи. При этом, по мысли Эдуарда Лукоянова, «проклятый поэт» до определенного момента осознавал свою маргинальность и даже делал ее частью своего жизнестроительного образа, радиализируя в стихах все веяния эпохи — от дореволюционного декадентского им-

10 Составленная Татьяной Нешумовой книга избранного В.Г. Малахиевой-Мирович готовится к выходу в издательстве «Водолей Publishers».

11 Его поэтическое наследие не так давно было представлено в книге: *Зальцман П.* Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения / Сост. И. Кукуй. М.: Водолей, 2011.

морализма и черносотенства до левачества и антиклерикализма пореволюционного времени. Именно эта постоянная «текучесть» идейной позиции вкупе с ролью нарушителя всех социальных и эстетических конвенций вывела творчество Александра Тинякова в зону неподцензурной словесности.

Исследовательница львовской поэтической школы, аспирант МГПИ Валерия Мухоедова (Москва) на этот раз акцентировала свое внимание на творчестве двух представителей этой группы. В докладе «Тезисы о своеобразии львовской поэтической школы: Леонид Швец и Игорь Буренин» автору важно было подчеркнуть общность групповой эстетики, которой присуща разнонаправленная ориентация на традиции отечественного модернизма и авангарда первой трети XX столетия. Здесь установка на определенную формальную строгость стиховой культуры, наследующая, по мнению В. Мухоедовой, опыту неоакмеистической, петербургской поэзии, соединяется с сюрреалистической, подчас психоделической образностью, а абсурдизм в духе обэриутов — с футуристическим синтаксисом, что позволяло лидерам львовской школы Сергею Дмитровскому и Игорю Буренину в качестве определения своей поэтики использовать понятие «неоэлектика». При этом докладчик отметил индивидуальные черты каждого из рассматриваемых поэтов: у Буренина — мандельштамовское внимание к предметности, фактурности, объемности, пристрастие к архитектурным образам, у Швец — обращение к верлибрам, нехарактерное для школы в целом, а также близость его творчества поэзии Андре Бретона, Тристана Тцара и Хулио Кортасара.

О том, что творчество поэта Георгия Оболдуева уже прочно вошло в исследовательский багаж литературоведов, свидетельствует сугубо стиховедческий доклад аспиранта МГПИ Юрия Корнейчука (Москва) «Семантика метра и эвфония в лирике Георгия Оболдуева»: в докладе делается несколько замечаний о соотношении у поэта силлабо-тонического, тонического и гетеротонического метров, а также, с опорой на концепцию эвфонии С.В. Кодзасова, предлагается несколько гипотез о соотношении «первичного» и «вторичного» стихотворных ритмов у поэта.

В завершение работы секции на ней прозвучало два информационных доклада, вводящих в поле зрения исследователей новый материал. Историю неизвестной даже большинству специалистов поэтической группы рассказал сотрудник Международного общества «Мемориал» Дмитрий Зубарев (Москва) в докладе «Группа “Сенсус” и ее члены (люди и судьбы). 1955–1956 годы». Группа возникла в 1955 году на филологическом факультете МГУ по инициативе Валерия Панасюка, членами ее были Виктор Степачев, его супруга Ирина Васильева, Андрей Терехин, Владимир Кузнецов, Борис Раевский и другие, а также будущая известная правозащитница, поэт Наталья Горбаневская. В духе юношеской романтики группа имела свой устав (провозглашающий право всякого чувства на выражение) и даже отличительный знак (буква «S» на деревянном значке). Просуществовала она недолго и была разгромлена в 1957 году за антисоветские листовки, распространяемые участниками в столичном транспорте; некоторые члены группы (Терехов, Кузнецов) были осуждены и прошли через лагерь; стихи членов «Сенсуса» в основном сохранились благодаря их записи во время следствия, а также в архиве Владимира Кузнецова¹².

Еще один сотрудник «Мемориала», Геннадий Кузовкин (руководитель «мемориальной» исследовательской программы «История диссидентского движения (1953–1991)»), представил подготовленный при его участии «Указатель литературных произведений, упомянутых в самиздатском журнале “Хроника текущих событий”»: по его словам, знаменитая «Хроника текущих событий» была «самиздатом в кубе», поскольку не только издавалась вручную, но и аннотировала другие самиздатские издания и опиралась на информацию из самиздатских

12 Своё видение истории группы Владимир Кузнецов изложил в брошюре: *Кузнецов В.П. История одной компании / Литературная запись, документальное приложение, аннотированный именной указатель* Д. Хопак [Д.И. Зубарев]. М.: Изд. автора, 1995.

источников в своих публикациях. Прделанная работа — и, некогда, авторами «Хроники», и, ныне, составителями Указателя — впечатляет: 63 выпуска издания включали в себя 20 тысяч записей, только именной указатель состоит из 14 тысяч позиций. Эти материалы, безусловно, могут быть интересны не только историкам правозащитного движения, но и исследователям неподцензурной культуры, литературы в частности.

Результаты работы секции «Неподцензурная и “легальная” литературы в России XX века: формы взаимодействия» уже вышли в печатном виде¹³. И хотя история Московского гуманитарного педагогического института в его нынешнем виде закончилась (в соответствии с тенденциями нынешнего времени с 1 сентября 2012 года он входит в состав крупного Московского городского педагогического университета), сохранилось ядро команды, которая организовывала данную секцию и в 2010—2011 годах собиралась на заседания научного семинара, посвященного изучению неподцензурной литературы XX века, сохранились и даже приумножились научные связи, а значит, следует ожидать новых мероприятий по этой тематике.

Михаил Павловец

Международная конференция
«ЯЗЫКИ СОРОКИНА:
МЕДИАЛЬНОСТЬ, МЕЖКУЛЬТУРНОСТЬ, ПЕРЕВОД»

(Университет Орхуса, Дания, 29 марта — 1 апреля 2012 г.)

Владимир Сорокин считается одним из наиболее значительных и радикальных писателей в современной российской литературе. В России и Германии его творчество широко обсуждается, в равной степени привлекая к себе внимание литературных критиков и литературоведов (первая конференция, посвященная анализу произведений Сорокина, состоялась еще в 1997 году в Университете Мангейма, Германия). В англо-американском академическом мире изучение его творчества только началось. Университет Орхуса в Дании внес значительный вклад в этот процесс, организовав первую конференцию, посвященную писателю, на английском языке за пределами России, проходившую с 29 марта по 1 апреля 2012 года. Исследователи и переводчики из Австрии, Великобритании, Германии, России, Скандинавии и США обсудили многоязычие и многообразие лингвистических аспектов в различных произведениях Сорокина, уделяя внимание металингвистическому аспекту его поэтики.

Конференция открылась вступительным словом Анне Мари Пахуус, заместителя декана по исследованиям отделения гуманитарных наук Университета Орхуса. Организаторы форума, Тине Розен, доцент кафедры русской литературы Университета Орхуса, и профессор Университета Пассау Дирк Уффельманн, выступили с приветственным словом, представив участникам основные темы открывшейся конференции.

В ключевом докладе конференции «Телесность речи Сорокина» Марк Липовецкий (Колорадо) определил трансформацию языка в телесные образы в качестве одной из главных отличительных черт творчества Сорокина. Этот троп, названный Липовецким «телесным воплощением», представляет собой основу метода деконструкции, применяемого в отношении авторитарной речи, символов и культурного повествования. Согласно Липовецкому, «телесность текста» является одним из ключевых составляющих творчества Сорокина. Основываясь на

13 См. сноску к изложению доклада Галины Доброзраковой.